

М. А. Разу моей

ЧЕЛОВЕК И ЛЮДИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Е. И. НОСОВА

Работа представлена кафедрой русского языка Курского государственного университета.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор А. Т. Хроленко

В статье рассматриваются особенности функционирования лексем *человек* и *люди* в публицистике замечательного русского писателя Е. И. Носова. Особое внимание уделяется их атрибутивным характеристикам. Исследование проведено на основе составленных автором алфавитном и частотном словарей публицистики.

The article deals with the peculiarities of functioning of the two lexemes - *man* and *men* - in the publicistic discourse of one of the famous Russian writers E. Nosov. Special attention is paid to their attributive characteristics. The research is based on the data presented in the alphabet and frequency publicistic vocabularies compiled by the author of the article. The article is addressed to specialists, students-philologists, journalists and a wide range of reading public.

Е. И. Носов – писатель, создавший не только «великолепную художественную прозу, но и не менее выразительную публицистику»¹.

В семантическом пространстве публицистики Е. И. Носова концепт «человек» получает множество различных обозначений, самыми общими из которых являются слова *человек* и *люди*. В идиостиле писателя данные лексемы занимают важное место. Они входят в число самых частотных существительных всей публицистики и относятся к ядру лексикона в каждом из трех периодов творчества автора: ранней публицистики (1951-1959 гг.); периода расцвета творчества и общественного признания (1960-1989 гг.) и поздней публицистики (1990-2002 гг.).

Концептуальная пара *человек-люди* привлекает внимание многих исследователей: она подвергнута глубокому историко-этимологическому анализу², описана на материале разных жанров русского фольклора³. В текстах Е. И. Носова наблюдаем показательное соотношение по количеству словоупотреблений лексем *человек* и *люди*. Существительное *человек* частотнее слова *люди* (16-й и 20-й ранг соответственно).

Обращает на себя внимание тот факт, что в ранней художественной прозе писателя *человек* частотнее, чем *люди**. Проти-

воположное соотношение отмечаем в фольклорных текстах. Здесь слово *люди* многократно употребительнее существительного *человек*. Например, по данным «Конкорданса курских песен», созданного М. А. Бобуновой и А. Т. Хроленко, в словнике курских песен лексема *люди* имеет 20 словоупотреблений (с/у), а *человек* - 2; в лирических песнях Севера *люди* - 33 с/у, *человек* - 2⁵; в свадебных обрядовых песнях *люди* - 53 с/у, *человек* - 4⁶. Такие частотные соотношения не являются случайными. Они отражают особенности фольклорных моделей мира в различных жанрах и разных регионах.

Для того чтобы исследовать функционирование репрезентирующих концепт «человек» лексем, воспользуемся методиками сжатия конкорданса и аппликации словарных статей, которые разработаны курскими учеными для описания фольклорного слова. С помощью методики сжатия конкорданса мы учитываем все употребления анализируемого слова в пределах корпуса публицистических текстов Е. И. Носова. В результате получаем словарную статью как «некоторый метатекст, содержание которого проливает дополнительный свет на семантику анализируемого слова, причем с позиций исполнителей, употребивших данное слово»⁷.

В системных связях лексем *человек* и *люди* атрибутивные характеристики, под которыми подразумеваем связи опорного существительного с прилагательными, причастиями и соответствующими оборотами, а также с другими существительными в роли несогласованных определений, занимают важное место. Они показывают, каким видит автор определяемый объект и какие его черты выделяет из множества других. В отношении к общему количеству словоупотреблений существительное *человек* сочетается с атрибутами в 38,2% случаев, *люди* - в 33,9%. В процессе публицистического творчества данные показатели обнаруживает тенденцию роста: у лексемы *человек* в первом периоде отмечаем 31,6% атрибутивных связей от общего количества словоупотреблений, во втором - 34,2%, а в третьем - 88%; у слова *люди* - в первом периоде 33,3%, во втором - 28,6%, а в третьем - 76%.

Спектр определений лексики *человек* в публицистике Е. И. Носова широк, однако среди них можно выделить несколько групп. Во-первых, находим атрибутивы, которые характеризуют человека с точки зрения его возраста: *взрослый, молодой, немолодой, пожилой, престарелый*. Они представляют жизнь человека в обличий времени и передают три ее периода: молодость, зрелость и старость. Некоторые лексемы являются антонимическими по семантике: *молодой - немолодой, взрослый, пожилой*. Другие образуют синонимические пары: *немолодой, взрослый; пожилой, престарелый*. Молодой человек предстает в качестве создателя *{Вот молодой человек выстроил новый добротный дом. «Русское поле»}*. Однако по большей части человек в публицистике Е. И. Носова немолодой, умудренный жизненным опытом *{Когда я вернулся с фронта и стал журналистом... видел жизнь деревни глазами уже взрослого человека. «Русское поле»}* или пожилой, теряющий жизненные силы *{Но какой же суд престарелому и чаще всего больному человеку? «Мемуары и мемориалы»}*. Во-вторых, встречаем атрибутивы, которые опи-

сывают внешний облик человека, его физические свойства и качества: *больной, неброский, невысокий, убогий, увечный*. Как видим, внешние характеристики человека не только не отличаются разнообразием, но и в большинстве своем являются нейтральными *{Это был невысокий, внешне неброский, крестьянского обличия человек. «Зеленая охота царя Алексея»}* или непривлекательными *{С ней дождался поезда попутчик, издали похожий на мальчика... оказавшийся уже пожилым увечным человеком. «На дальней станции сойду»}*. Очевидно, что автор не заостряет внимания на внешности человека, отмечая лишь явные физические недостатки. В-третьих, выделяем определения, которые характеризуют внутренний облик человека: *деликатный, добрый, жизнестойкий, мудрый, мягкий, нежный, несчастный, одинокий, отзывчивый, простой, растоптанный, тонкий, трудолюбивый, униженный, упористый, уравновешенный*. Сопоставив данный набор определений, мы можем выстроить оппозитивные ряды. С одной стороны, человек обладает положительными характеристиками. Он может быть деликатным, нежным, отзывчивым, как в очерке «С непокрытой головой», посвященном писателю П. Г. Сальникову *{Право, я не знаю более нежного и деликатного, душевно тонкого и отзывчивого к чужой беде человека...}*; может быть мудрым и добрым, как в статье «Последний полонез», посвященной художнику М. Шорохову *{Недавно этот мудрый и добрый человек оставил свою мастерскую, не снятые с мольберта полотна, недовершенно завершенные замыслы и ушел от нас навсегда}*. Чаще всего писатель изображает простого человека, т. е. принадлежащего к трудовой части общества, трудящегося: *Моей неизменной темой по-прежнему остается жизнь простого деревенского человека, его нравственные истоки, отношение к земле, природе и ко всему современному бытию «Автор о себе»}*.

Простой человек в публицистике Е. И. Носова наделен способностью сопротивляться неблагоприятным жизненным

условиям, обладает упорством и трудолюбием (*А в общем, мой сосед - жизнестойкий, упористый, трудолюбивый человек.* «Зарисовки под капельницей»). Не случайно, на наш взгляд, в цепочке определений автор употребляет просторечное слово *упористый*. Оно служит для более точной и выразительной характеристики персонажа эссе.

С другой стороны, встречаем несколько определений, представляющих отрицательную характеристику человека: *несчастный, одинокий, растоптанный, униженный*. Интересно, что все перечисленные определения находим в одном произведении - статье «Что мы перестраиваем?». Описывая Россию в сталинскую эпоху, Е. И. Носов создает страдательный образ человека (*Ирастоптанный и униженный человек, находясь под постоянным страхом расправы, невольно превращался в безропотного услужителя*). Однако и сам Сталин предстает в образе страдающего человека (*В сущности, это был одинокий, глубоко несчастный человек...*).

Часто автор, давая характеристику человеку, использует конструкции с причастными оборотами и несогласованными определениями: *человек, отягченный больной совестью, доживавший свои годы в угрюмом одиночестве, без окружения отвергнутых им близких, без верных друзей, с которыми можно было бы душевно расслабиться, но которых он предал и цинично растоптал, без увлечений и привязанностей, наверно, даже, ни разу не покормивший кремлевских воробьев*. «Что мы перестраиваем?». Как видим, писатель словно «нанизывает» определения, выраженные причастными оборотами, перемежает их несогласованными атрибутами. Так художник слова создает многогранный и объемный образ человека, вмещающий через детали всю его жизнь. Любопытно, что в завершение перечня отрицательных характеристик автор употребляет оборот *ни разу не покормивший кремлевских воробьев*. Для Е. И. Носова, тонкого знатока русской природы, это верный признак душевной пустоты человека.

В перечне атрибутивов лексемы *люди* выделяем несколько тематических групп. Темпоральные атрибуты представлены лексемами *молодые, немолодые, новые, пожилые*. Фразеологическое сочетание *молодые люди* употреблено в значении 'молодежь вообще' и характерно исключительно для публицистики писателя.

К лексемам, характеризующим людей по их деятельности и принадлежности, относим *вогшские, вооруженные, наемные, служилые, советские, царские*. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство определений описывают военную деятельность людей: *воинские, вооруженные, служилые*. Все они зафиксированы в одном историческом очерке «Конны, людны и оружны...». Лексема *служилый* имеет значение 'в Русском государстве XIV - начала XV в. относящийся к несению государственных военных обязанностей'⁸: *На время войны оно состояло из поместной конницы, пешего разнолюдного ополчения и набора царских служилых людей, именуемых стрельцами*.

Наиболее многочисленной группой являются определения, характеризующие внутренние качества людей: *добросовестные, достойные, заинтересованные, культурные, негордые, неискушенные, ответственные, серьезные, совестливые*. Заметим, семантика всех лексем данного перечня включает положительную оценочность, которая определяется отношением людей к труду (*Когда думаешь о судьбах таких людей, задаешься вопросом: может, они обладают неким особым «сельскохозяйственным талантом»? Да нет же, просто они добросовестные, совестливые, ответственные люди*. «Русское поле»), к культурным ценностям (*Мы больше не имеем права называть себя культурными людьми, лицемерно восхищаясь фетовскими строфами при виде оскудевшей обители его вдохновения*. «Неугасимо стремление к красоте»), невысоким уровнем личных потребностей (*Напрашиваться к кому-либо на обед было неудобно, и никто в МТС не знал, что те самые негордые люди из Москвы в обед едят*

только сухари, размоченные в чае. «Свежий ветер»).

Итак, исследование функционирования лексем *человек* и *люди* показывает, что в центре публицистики Е. И. Носова находится простой человек, человек труда. Именно на таких людях, по мысли автора, держится российское общество и в современной действительности, и в исторические времена. Пристальное внимание автора обращено прежде всего к внутреннему миру человека, который часто наделяется высшими нравственными качествами. Созда-

вая образ человека, писатель наряду с согласованными атрибутами активно использует конструкции с причастными оборотами и несогласованными определениями. Атрибутивные связи ключевых лексем позволяют установить взаимосвязь концепта «человек» с концептами «труд» и «совесть». Проведенное исследование фрагмента семантического пространства языка публицистики Е. И. Носова характеризует личность писателя и позволяет раскрыть богатый мир языковой индивидуальности художника слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сальников П. Г. Берега... Берега... // Книга о мастере: Холмы и берега Е. Носова. Курск: Крона, 1998. С. 96.

² Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Академич. Проект, 2001.

³ Никитина С. Е. О жизни человека и людей в устной народной поэзии // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004.

⁴ Черникова О. А. Художественное слово Е. И. Носова в лексикографическом аспекте: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Курск, 2006.

⁵ Петрова Т. И. Словник и частотный словарь лирических песен Севера // Фольклорная лексикография: Вып. 11. Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ин-та, 1998. С. 47, 55.

⁶ Шишкова Н. Е. Словник свадебных обрядовых песен // Фольклорная лексикография: Вып. 12. Курск: Изд-во Курск, гос. пед. ин-та, 1998. С. 27, 36.

⁷ Бобунова М. А., Климас И. С., Праведников С. П., Хроленко А. Т. Комплекс методик лингвокультурологического анализа // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук: Конкурс грантов 2000 года: Сб. реф. избр. работ. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2003. С. 130-132.

⁸ Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С. 144.